

36. БОГ И ЧЕРТ

Христиане отпраздновали 2000-летия своего Господа и Учителя — Иисуса Христа. Увы, величайший юбилей не стал поводом для мира и согласия в многоконфессиональном христианстве. Накануне Рождества Христова белорусский филиал Русской православной церкви, то есть "Экзархат всея Беларуси", нанес пощечину христианам-протестантам страны.

"Народная воля" сообщила, что Экзарх Филарет демонстративно вручил Юбилейные грамоты тем журналистам и редакторам, которые в своих публикациях оскорбляют протестантские церкви, приписывают им несуществующие злодеяния, черпая таковые из сводок спецслужб и речей руководителей государства. Нанесено оскорбление и отечественной журналистике, ибо от лица Бога отмечены те ее представители, которые сознательно искажают реальную жизнь, сеют межконфессиональную вражду в обществе.

В связи с происшедшим евангельские христиане-баптисты и христиане веры евангельской (самые многочисленные и влиятельные Союзы протестантов Беларуси) публично выразили сожаление. На агрессивное противодействие они не способны по определению. Я знаю протестантскую среду Беларуси: вырос в ней.

Недавно вместе с баптистами Америки и Беларуси я побывал на своей малой родине. Сегодня еще раз вспоминаю ту поездку. Данной публикацией выражаю личный профессиональный протест против аморальной журналистики, синхронно поощряемой в нашем государстве и светской и духовной властями.

В Минске, на площади Независимости, в полдень встаньте лицом к солнцу: по левую руку будет ВОСТОК, по правую — ЗАПАД. Автор родился в деревне Горск Брестской области, то есть в западной части страны. Дальше, за моей малой родиной, — сплошь запад: Польша, западная Европа, Атлантический океан, США. Существует точка зрения, что за Брестом ничего, кроме запада, нет и что запад хочет проглотить восток, погрузить планету в ночь. Чтобы не допустить всемирной беды, в Минске в конце девяностых возник журнал и назвал себя "Всемирная литература". В нем сосредоточился взвод публицистов, яростных противников запада, приравнял перья к штыку, колет врага:

"Оторвавшись от общерусских корней, мы не сможем в одиночку противостоять тому валу эрзац-культуры, испепеляющему все вокруг хамству и цинизму, самодовольной и агрессивной мерзости, которые неудержимо напозапят на нас с Запада, из-за океана. Не сможем противостоять не только

экономически и политически, но, главное, духовно. Утонем в дерьме, растворимся, загубив свою культуру и самих себя. Это хорошо понимали наши предки, столетиями сражавшиеся за свою русскость, за православие, за национально-государственное единство. Хорошо понимают это и на Западе, не жалея на поддержку борьбы "адраджэнцаў" против "рэжыму" ни времени, ни средств..." (№ 3, 2000 г.)

В этом месте звонит телефон. Знакомый сообщает, что американцы намерены ехать в Горск, и спрашивает, не хочу ли я поехать с ними в качестве гида. Безусловно, поеду: и гидом, и защитником родины. Кстати, что американцам нужно в Горске? По дороге узнаете, сказал звонивший — епископ Союза евангельских христиан-баптистов в Беларуси Александр Фирисюк. Он же сидел за рулем подержанного "Фольксвагена", мчавшего нас на запад.

В Горск ехали две американки, по нашим понятиям, типичные — то ли уже старушки, то ли еще нет, подвижные, улыбчивые, с традиционными фотоаппаратами, с ненужными карточками-визитками на шнурочке. Их звали Ора Мэй Чек и Джоана Захари. Обе из штата Миссури. Ора живет в городе Лэйк Сент-Луис, была учителем географии, сейчас на пенсии. Джоана преподает психологию в сельскохозяйственном колледже в деревне возле Канзас-Сити. Обе — сестры во Христе, члены федерации баптистских церквей штата Миссури, который является побратимом Беларуси в вере евангельских христиан-баптистов. До поездки в Беларусь они не были знакомы. Визитки на шнурочке не успели снять после официального мероприятия.

В Минске состоялась женская конференция на тему: "Милосердие христианки". От церквей ЕХБ Беларуси участвовали 270 делегатов, от церквей штата Миссури — 75. Американские сестры прилетели за свой счет, купив туристические путевки. Подискутировав о том, как эффективнее проявить милосердие в семье, в обществе, в мире, христианки расцеловались и разъехались: белоруски — по домам, американки — по Беларуси. Ора и Джоана ехали в мои пенаты потому, что Горская церковь ЕХБ — сестра церкви Лэйк Сент-Луиса. Кроме традиционной в подобных случаях переписки, американские баптисты оказывают моим землякам-баптистам гуманитарную помощь.

Дорогу Минск-Брест отремонтировала иностранная фирма. До Ивацевичей лежит отличное шоссе, после начинаются ямы, трещины, бугры. Наша держава не заплатила иностранцам, те свернули ремонт нашей главной дороги. Пока шоссе было нормальным, я спросил у американок, чьи дороги лучше, американские или белорусские. Обе ответили: белорусские

(переводила нам Людмила, дочка Фирисюка), в Америке много машин, дороги быстро портятся. Когда после Ивацевичей началась тряска, американки засмеялись: американская дорога!

У них наличествовало чувство юмора и отсутствовал ура-патриотизм. Я спросил, любят ли они свою страну Америку. Ответили: такое невозможно. Они, каждая, любят свою маленькую Америку, местность, где родились и родили многочисленных детей (обе, по нашим меркам, матери-героини). Ора сказала, что так любит свой город, что может стать на улице и благоговейно нюхать дым автомобилей.

Понятно, дым отечества им сладок и приятен, как нам. У Оры повлажнели глаза, когда она вспомнила свой далекий город. У меня по мере приближения к родным местам сильнее билось сердце. Знаю, что так же будет биться сердце Оры, когда она, перелетев океан, будет возвращаться в Сент-Луис. Тут мы с ней носители общечеловеческого знания, которое есть мир, есть истина. Этому знанию противостоит невежество:

“Правда с нами, на нашей стороне скромность, терпимость, соборность, сострадание, сопереживание, совесть — все то лучшее, что всегда отличало и отличает белорусов. А по другую сторону баррикад — наглость, хамство, цинизм, насилие и прочие человеческие пороки, усердно подбрасываемые нам из-за бугра и безропотно взятые на вооружение теми, кто считает себя оппозиционерами. Пока мы не проиграли истину. И постараемся не проиграть ее.” (“Белорусская нива”, 18.11.1999 г.)

Ну не могу заставить себя гордиться тем, что я белорус и на моей стороне столько преимуществ. Даже на дороге, по качеству превосходящей американскую, никак не возникает белорусский патриотизм. Попробовал напевать про себя марш “Прощание славянки” — музыка, согласитесь, хорошая, вызывает гамму переживаний, а соборность в крови, чувствую, не закипает, наверно, улетучилась тогда, когда мои далекие предки перестали сообща (соборно) охотиться на мамонта.

Бывает, долго держишь в себе какой-нибудь мотив — вдруг слышишь: то же вслух начинает напевать твой собеседник, молчавший рядом. Существуют душевные каналы связи. Обе американки стали (через Людмилу) говорить о том, как прекрасно пение в баптистских церквях Беларуси, как оно душевно и торжественно. Неужели им передался мой внутренний “Марш славянки” — и они вспомнили духовные гимны?

“Фольксваген” свернул с шоссе, сразу нырнул под Горские клены и березы, посаженные по обе стороны улицы и вызывающие чувство восхищения у заезжего путника. У меня шевельнулась гордость за свою

деревню. Под кленом стоял крест, на нем висели убранные вышитыми ручниками броская православная икона и скромная протестантская табличка с Библейским изречением. У общего креста двухконфессиональный Горск прощается со своими жителями, уходящими в вечность.

Баптистская церковь оформилась в Горске в двадцатых годах двадцатого века. При польской власти она была центром притяжения окрестных деревень, делала Горск местной культурной столицей, что заставляло моих односельчан гордиться, лишней раз подмести улицу напротив хаты. Социально-культурному развитию Горска Молитвенный Дом способствовал и при советской власти.

Советы активно противодействовали баптистам, благодаря чему в Горске появилась библиотека. В пятидесятых "изба-читальня" располагалась в доме моей бабушки Анны Игнатьевны, которая с молодости была баптисткой, любила читать и святые, и мирские книги. В библиотеке я проводил дни напролет, рано научился читать, играть в шахматы. Очень переживал, когда "избач" спился и его уволили. Бабушка продала дом, поскольку он гнил, перебралась жить к нам. Библиотека пошла кочевать по арендованным хатам, не переставая пополняться книгами.

Баптистская община, арендуя комнату в деревенском доме, неудержимо увеличивалась, несмотря на библиотеку, на регулярные проверки богослужений советскими активистами, которые приходили на собрание верующих, доставали тетрадь, переписывали присутствующих. В шестидесятых годах власть сделала Горску роскошный подарок — сельский Дом культуры с кинозалом, танцзалом, постоянным помещением для библиотеки. Баптисты собрали деньги, выкупили в Горске пустующий дом, удалили внутри перегородки, оборудовали постоянную церковь.

В шестидесятых годах из белорусской деревни начался великий исход молодежи, искавшей человеческой жизни — с гарантированной зарплатой, с умным начальником, с горячей водой. Родители выпроваживали детей из дома, желая им лучшей доли. Опустел и Горск, ранее многолюдный, многодетный в силу баптистской традиции.

Заброшенные, униженные, бедные, мои земляки не пали духом потому, что в деревне действует дружная протестантская община. Она подпитывает в человеке самоуважение. Поддерживает в деревне чистую атмосферу. Все женщины, уроженки Горска, — баптистки. Невестки, пришедшие в Горск замуж из других деревень и исповедавшие православие, постепенно примкнули к баптизму.

Мирская жизнь в Горске течет с оглядкой на Молитвенный Дом. Если хозяйки поссорились из-за курицы, забежавшей в чужой огород, то одна из них обязательно опомнится: "Побойся Бога, сестра!" Куда в Горске идут мужчины, выходя из запоя? К порогу Молитвенного дома. Внутрь зайти им неловко, стоят на улице, чисто одетые, трезвые, не матерятся, слушают, как из открытых окон льются гимны, исполняемые их женами, вполголоса говорят о политике, о гнезде аиста на крыше церкви, обсуждают, хватит ли строительных блоков на новую церковь. Белые блоки сложены неподалеку.

Скоро в Горске начнут строить храм. В землю вбиты четыре колышки. Я уверен: все мужчины Горска будут безвозмездно строить новый Молитвенный Дом, чтобы затем переступить его порог. Не смею вникать в финансовую сторону дела, видел, как сие обсуждали пресвитер Горской церкви Александр Гронский и представительница американской церкви-сестры из Сент-Луиса бабушка Ора. Желаю, чтобы их переговоры завершились успешно. Мне хочется, чтобы не умер Горск. Как говорят, сплю и вижу, как в центре моей деревни светится храм. Я смеюсь над политсатаной женского рода, которая пугает меня прущей из нее чертовщиной:

"Протестантизм является для Беларуси инородным телом. Распространяется он лишь вследствие загнивания сознания современного человека "общечеловеческими и общехристианскими ценностями", изобретенными в свое время для разрушения СССР, а теперь, используемыми для разрушения православия... Нам прививается индивидуализм — антипод православию с его соборностью. На такой основе может быть построено лишь общество, где каждый за себя. И, если данная экспансия не будет остановлена, под влиянием чужой религии наша Родина неузнаваемо изменится: в ней, как это произошло на Западе, никому не будет дела до другого..." ("Народная газета", 20.04.2000 г.)

Я смеюсь. А Экзарх Филарет награждает это чернокнижье (государственное черногазетье) Юбилейной грамотой в честь 2000-летия Христа. И мой смех сменяется печалью.

В детстве я много раз встречал восход солнца на пастбище, при коровах, пасти которых очередь подходила к нашему дому. Утром, когда не докучают мухи, корова жадно и благодарно щиплет траву, запивает солнечной росой, превращает красоту в молоко, в продовольственную безопасность государства. Деревню до глубины души оскорбляет, когда колхоз, традиционно содержащий впроголодь соборных (колхозных) коров, заставляет голодать коров личных. Корова в Беларуси священная в большей степени, чем в

Индии. Американки еще спали, а горчаки собрались вместе, чтобы защитить своих коров.

От главной улицы отходит в сторонку переулочек, образуется символическая площадь. Здесь кружком стояли практически все жители деревни. Меня поразило, что их осталось так мало. И как постарели! Все были возмущены, что председатель колхоза выделил под сенокос пыльную пустошь. Не председатель — черт. Прилетит в деревню на машине. В глаза человеку не посмотрит, по имени не назовет. Женщины эмоционально говорили, что косить пустошь унижительно, что надо требовать "рулоны" (сено, скрученное в огромные тюки). Мужчины рассудительно говорили, что придется с косою исхаживать километры по неудобьям, по клочку искать траву, надо держаться за корову, а не за чертову власть.

В десять утра я вновь увидел всю свою деревню, на сей раз — в Молитвенном Доме. Церковная служба баптистов проста, понятна. Молитвы (стоя и коленопреклоненно) чередуются с коллективным пением гимнов, с проповедями, с выступлениями, которые называются СВИДЕТЕЛЬСТВАМИ. Точное определение жанра. Человек свидетельствует, как живет по Писанию, с какими трудностями и радостями сталкивается. Предоставили слово американкам.

Ора и Джоана волновались, хотя на листках имели тезисы. У женщин дрожали руки, прерывался голос. Они были искренни, что подтверждали их слезы. Ора и Джоана недавно похоронили мужей, переживания, связанные с большой потерей, легли в основу их свидетельств. Американки затронули, пожалуй, главную проблему верующего человека.

Смерть близкого приносит нам невыносимые страдания. Но религиозная догматика требует ... радоваться, ибо твой муж (твоя жена) очутились в стране радости и счастья, где сердце не терзается тоской, где светлый день не сменяется тьмой. Но как можно радоваться потере мужа (жены)? Разве в том счастье, что с тобой нет родного человека? Но его дал тебе Бог, Бог и взял. Благодарю Бога, Он знает, что творит. Благодарю — и тебе станет легче, ты тоже будешь в той стране, где не туманятся очи слезой, где солнце не зайдет и весна не пройдет. Именно смерть близких часто становится той жизненной чертой, после которой человек приходит к Богу.

Моя мама Мария Ивановна пришла в Молитвенный Дом после смерти мужа Николая Михайловича, моего отца, тогда ей было пятьдесят лет (мне уже больше, но к ее поступку я еще не дорос). Слушая американок, я смотрел туда, где сидела мама одиннадцать лет назад, незадолго до смерти. Она пригласила меня в Молитвенный Дом на Праздник Жатвы. Мама сидела на скамейке под разноцветными листьями клена, нанизанными на тонкую леску

и развешанными под потолком. Место было постоянным, что связано с хоровым пением и индивидуальной ролью поющего. Сейчас там сидела другая женщина и плакала. Она похоронила мужа, чувства Оры были ее чувствами.

Белорусска и американка соединились общим свидетельством ЖИЗНИ ВО ХРИСТЕ, хотя их бранные жизни такие разные. Первая — знает только дорогу от хаты до сарая, а вторая, заработав приличную государственную пенсию, путешествует. Сестры осознают, в чем заключается различие их физических судеб в материальном мире, и без гордыни, ведомые Христом, идут навстречу друг другу. Американка бескорыстно посылает помощь, белорусска — с благодарением принимает.

После собрания, на улице, ко мне подошел старик из соседней деревни Лука. Он задал неожиданный вопрос: владею ли я английским языком. Я сказал, что по-английски дорогу расспросить смогу куда захочу. А старик вздохнул, что не сможет. Пару лет назад его дети уехали в Америку, закрепились там, сейчас вызывают его. Что делать: ехать или нет? Он спрашивал, наверно, у каждого встречного. Я сказал ему, что ведь он уедет с родины навеки, что в Луку хоронить его не привезут. Он ответил, что Бог везде один.

В шутку я спросил Ору, помнит ли она имена всех девяти внуков. Бабушка без запинки перечислила всех, загибая пальцы обеих рук. Весело сказала, что экзамен сдала! Посадила себе на колени Владика, годовалого внука Горской сестры Зины, что-то ему говорила, и он, кажется, ее понимал. Свидетельствую: мои земляки, от мала до велика, встречали американок от всего сердца, понимали без слов, угощали от души, подарили белорусские ручники, расцеловали на прощание, пожелали счастья. Ибо в Горске нет чертей, запускающих в мир вот такой бред, поощряемый филиалом РПЦ:

“Неопротестантство на самом деле преследует не столько религиозные, сколько политические, экономические, военные цели, вплоть до такой степени изменения общественного сознания, чтобы подготовить военное вторжение... Враги нашего Отечества хотят, чтобы один верил в одно, другой в другое, то есть чтобы не было единства. Такое государство легче расчленишь... Являлся бы Советский Союз протестантским — Гитлер покорил бы его за три дня!” (“Народная газета”, 20.04.2000 г.)

Воистину вечны и неизменны только Бог и черт. Одному и второму исполнилось по 2000 лет. Я думал, что между ними — логическая, эмоциональная, нерушимая, вечная пропасть. Я верил, что Бог и черт антиподы по сути и что это единственная в мире обоснованная непримиримость.

Однако в первые дни третьего тысячелетия в Минске между Богом и чертом проложен соединительный мосток в виде Юбилейной грамоты Иисуса Христа. Отныне вполне легально могут заходить друг к другу в гости Добро и зло и совместно распивать адский коктейль. Теперь черт запросто явится на свадьбу, ибо попа не боится, как ранее. Теперь черт перестанет бояться ладана, отчего у черта на куличках — праздник.

2000

www.kamunikat.org